

Тема: Экономическое и политическое развитие Германской империи в 1871-1918 гг.

Часть 1. Внутривнутриполитическое развитие Германии в конце XIX в.

1. Политическая система и партии империи.

2. Социальная жизнь и основные мероприятия

- «Культуркампф». Готский съезд социалистов. «Исключительный закон».
- Разрыв Бисмарка с либералами. Отставка «железного канцлера».
- Социальное законодательство.

Материал к лекции.

1. Политическая система и партии империи. В январе 1871 г. в Версале произошло крупнейшее событие немецкой истории: была торжественно провозглашена Германская империя. Но совершенное под эгидой Пруссии объединение страны еще не было окончательным оформлением единого национального государства. Были созданы лишь политические и конституционно-правовые условия, на основе которых и должна была происходить дальнейшая, более тесная интеграция немецких земель.

Империя являлась союзным государством, в которое входили 25 самостоятельных политических единиц (4 королевства, 6 великих герцогств, 4 герцогства, 8 княжеств и три вольных города - Гамбург, Бремен и Любек, возглавляемые сенатами) и особая имперская провинция Эльзас-Лотарингия. Коллективным носителем суверенитета считались 22 немецких государя и сенаты трех юродов, но не народ или император (кайзер). Земельные представительные органы (ландтаги) также не обладали всей полнотой власти.

Принятая в марте 1871 г. Конституция обеспечивала гегемонию Пруссии, население и территория которой составляли две трети Германии. Императором мог быть только прусский король, который распоряжался вооруженными силами и представлял Германию на международной арене. Лишь армия Баварии в мирное время подчинялись только своему королю, но в случае войны переходила под командование кайзера.

Императору принадлежало право утверждать или отклонять нес законопроекты, созывать и распускать имперский парламент - рейхстаг. Единственный общегерманский министр - рейхсканцлер, пост которого занял Отто фон Бисмарк (1815-1898), одновременно являлся министром-президентом Пруссии и отвечал за свою деятельность только перед императором. Отдельные ведомства возглавляли статс-секретари, бывшие по своему служебному положению лишь помощниками канцлера, а не самостоятельными министрами. С 1878 г. основные общегерманские ведомства были закреплены за соответствующими прусскими министрами.

Хотя в Союзном совете (бундесрате), куда входили представители всех немецких государств и который исполнял высшую законодательную функцию, Пруссии из 58 мест принадлежало всего 17, она имела право вето по наиболее важным конституционным и военным вопросам. В итоге ключевое положение в империи заняла высшая прусская бюрократия.

Рейхстаг, напротив, являлся уже политическим институтом массовой демократии, так как избирался на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. Но оно распространялось только на мужчин старше 25 лет, за исключением военных, женщины права голоса не имели. Кроме того, избирательные округа в Германии были организованы по устаревшему территориальному принципу, который в дальнейшем не пересматривался, несмотря на возникший с течением времени значительный разброс численности избирателей. В результате слабонаселенный сельский округ приравнивался к гораздо большему по числу людей городскому району, что ставило различные политические организации и партии в неравное положение. Так, например, избирательный округ Берлина насчитывал почти 700 тысяч жителей, а округ Шаумбург-Липпе лишь 43 тысячи. Но каждый из них посылал в рейхстаг по одному депутату.

Совместно с Союзным советом рейхстаг осуществлял законодательную власть, утверждал бюджет и имел право законодательной инициативы. Но подлинным органом парламентской демократии рейхстаг стать не мог, так как не имел права ни назначать, ни отзывать канцлера. Поэтому в Германской империи исполнительная власть получала явный перевес над властью представительной. В итоге над мощной и передовой экономической базой и соответствовавшей ей социальной структурой общества возвышалась архаичная доиндустриальная политическая система авторитарно-корпоративного типа.

Характерной чертой системы правления Бисмарка было постоянное балансирование между отдельными государствами в Союзном совете и политическими партиями в парламенте, противоречия и конфликты между которыми позволяли канцлеру осуществлять свое единоличное правление. Не без основания считая себя творцом

великого дела - объединения Германии, Бисмарк после 1871 г. направил все свои усилия на сохранение и укрепление созданной им системы государственно-политических структур. Бывший «белый революционер» превратился в консерватора.

Переходному и нестабильному состоянию немецкого общества соответствовала значительная дробность партийно-политической системы. Еще не получив преимуществ парламентской демократии, Германия уже обзавелась всеми ее недостатками, главным из которых было преобладание эгоистических частных партийных интересов над интересами всего общества.

В центре политического спектра стояла национал-либеральная партия, главная в 70-е годы опора Бисмарка в рейхстаге, где она имела большинство мест. Эта партия, возникшая после раскола либеральной оппозиции в 1867 г., опиралась на широкие круги торговой и промышленной буржуазии и интеллигенции, прежде всего в протестантских регионах Германии. Сама партия была неоднородной, с середины 70-х годов в ней образовались левое крыло, во главе которого стоял Эмиль Ласкер, и право-либеральное большинство, возглавляемое Рудольфом Беннигсеном, лидером партийной фракции в рейхстаге.

Принципы левого либерализма отстаивала враждебная Бисмарку Германская прогрессистская партия, выступавшая за политику свободной торговли, создание правового государства и парламентаризацию империи. Одним из наиболее видных деятелей партии являлся Ойген Рихтер. По большинству вопросов прогрессистов поддерживала региональная буржуазно-демократическая Немецкая народная партия, деятельность которой ограничивалась в основном юго-западом страны.

На правом фланге общественно-политической жизни в империи располагались также две партии: Свободная консервативная (позднее - Имперская), выражавшая интересы крупных аграриев Пруссии и магнатов тяжелой промышленности Рейнско-Вестфальской области и безоговорочно поддерживавшая политику Бисмарка, и Немецкая консервативная партия, созданная в 1876 г. ультраправыми прусскими юнкерами, которые выступали за экономический курс государства, выражающий и защищающий их специфические интересы, и требовали сохранения своих привилегированных политических позиций в империи. Консерваторы опирались на крупное и среднее крестьянство, частично - на воспринявшие юнкерскую социальную демагогию популистского толка средние слои в городах Восточной Пруссии и Померании.

Особое положение среди политических партий Германии занимали созданная в 1875 г. Социалистическая рабочая партия Германии (с 1890 г. - Социал-демократическая партия Германии), отстаивавшая интересы немецкого пролетариата, и образованная в начале 1871 г. католическая партия Центра. Она выражала не столько католические, сколько антипрусские настроения, широко распространенные среди населения на юге и западе Германии, особенно в Баварии. Партия Центра имела внушительную социальную базу в лице мелкой и средней буржуазии, крестьян и рабочих католического вероисповедания, а руководящее положение в ней занимали аристократы-католики, духовные лица и некоторые представители крупной буржуазии.

Лидером партии Центра на протяжении ряда лет являлся адвокат и бывший министр юстиции Ганновера Людвиг Виндхорст.

2. Социальная жизнь и основные мероприятия.

«Культуркампф». Создание империи повлекло за собой острым и затяжной внутривнутриполитический кризис в Пруссии. Он выразился в двух подряд поражениях прусских консерваторов их постоянных конфликтах с Бисмарком и, наконец, в явлении, получившем название «культуркампф» («борьба за культуру»).

Основная причина кризиса состояла в том, что Пруссия, прежде входившая в пятерку великих держав Европы, оказалась дверь как бы растворенной в Германской империи. Юнкерство чувствовало себя ущемленным и опасалось утратить прежнее влияние. Да и сам Вильгельм I с известной неохотой добавил к дорогой его сердцу короне прусского короля корону германского императора. Прусские консерваторы негодовали также по поводу устранения нескольких династий, осуществленного Бисмарком, — и Ганновере, Шлезвиг-Гольштейне, Кургессене и Нассау в 1866 г. Опора канцлера на национал-либералов делало нереальным его сближение со старопрусским консерватизмом.

Объединение Германии отвечало прежде всего устремлениям прусской буржуазии, в основном протестантской по вероисповеданию и стоявшей на либеральных политических позициях. Между тем идеи либерализма в 1864 г. были категорически осуждены папой Пием IX, а Ватиканский церковный собор в 1870 г. провозгласил догмат о непогрешимости папы и подтвердил его полную власть над католическим миром.

Либералы рассматривали это как вызов тенденциям исторического развития, достижениям науки и свободной духовной культуре, как выражение обскурантистского и агрессивного характера католицизма.

Бисмарк к этой проблеме подходил с иной точки зрения. Дело в том, что против догмата о непогрешимости папы выступил в Германии целый ряд «старокатоликов», к которым принадлежали прежде всего профессора теологии, учителя религии и поенные капелланы. Пий IX пригрозил им отлучением от церкви, но поскольку они являлись не только служителями церкви, но и государственными служащими, Бисмарк и прусское правительство

резонно усматривали в этом посягательство на прерогативы государства.

Первоначально чисто внутрицерковный конфликт послужил Бисмарку желанным поводом по-новому оформить взаимоотношения церкви и государства. К этому его побуждало и то обстоятельство, что в католических польских провинциях и в Эльзас-Лотарингии антипрусская национальная пропаганда велась чаще всего под прикрытием религиозных лозунгов.

В 1871-1872 гг. были осуществлены первые изменения, согласно которым отменялся церковный надзор за школами, а священникам запрещалось касаться в проповедях государственно-политических проблем, а уж тем более вести какую-либо политическую агитацию.

Следующая фаза «культуркампа» была связана с активизацией партии Центра, явно федералистской по своему характеру, что, по мнению Бисмарка, угрожало целостности империи.

В Германии запрещалась деятельность иезуитского ордена, а его наиболее видные деятели были высланы из страны. По прусским майским законам 1873 г. церковь ставилась под контроль государства, лица, претендующие на должность священника, должны были закончить немецкий университет и сдать проверочный экзамен по философии, истории и немецкой литературе. Кроме того, они были обязаны приносить присягу на верность государству, которое, в свою очередь, имело право вмешиваться во внутрицерковные конфликты. В 1874 г. в Германии были введены гражданский брак и гражданская регистрация рождения и смерти. Священнослужители, нарушавшие эти законы, подвергались либо ограничению в свободе передвижения, либо высылке за границу.

Наконец, в 1875 г. католическая церковь лишилась государственных финансовых дотаций, в Пруссии была запрещена деятельность всех монашеских орденов, в 1876 г. многие католические епископы были арестованы или высланы.

Но своей цели все эти гонения не достигли. Напротив, католическая церковь представала в глазах населения мученицей за веру и лишь усиливала свое духовное влияние. Около четверти католических приходов в Пруссии пустовали, так как население бойкотировало объявленные властями выборы «государственных священников». Именно в период «культуркампа» партия Центра удвоила число своих депутатов в прусском ландтаге и рейхстаге, получив там почти четверть мест. Она опиралась на многочисленные католические организации и мощную прессу.

Все это означало, что политика «культуркампа» потерпела полный провал, с 1876 г. она практически закончилась. Бисмарк был вынужден примириться с существованием в империи десятки миллионов людей, духовным светочем для которых оставался Рим, но не Берлин. К тому же теперь на первый план внутривнутриполитической жизни империи выдвинулись социалистическое движение и таможенная проблема. После переговоров Бисмарка с папскими нунциями в Мюнхене и Вене большинство антиклерикальных законов были в 1882—1883 гг. отменены, несмотря на протесты либералов. Однако «культуркамп» оставил глубокий психологический след в обществе. В течение десятилетий значительная часть немецких протестантов рассматривала католиков как немцев второго сорта.

Готский съезд социалистов. Кроме партии Центра, «врагом империи» в глазах Бисмарка являлось социалистическое движение. С середины 70-х годов оно выдвигается на первый план среди прочих факторов, подрывавших, по мнению канцлера, основы государства. Это и послужило одной из причин прекращения антикатолического курса.

Социалистическое движение в Германии в первой половине 70-х годов оставалось расколотым на две партии - Социал-демократическую рабочую партию (СДРП, или эйзенахцев), стоявшую на марксистских позициях, и Всеобщий Германский рабочий союз (ВГРС, или лассальянцев), который разделял идеи своего основателя, блестящего оратора и публициста Фердинанда Лассаля (1825-1864).

После создания империи ушло в небытие одно из главных разногласий между пропрусской позицией руководителей ВГРС и платформой лидеров СДРП, выступавших за создание единого, но федеративного немецкого государства, включая Австрию. Примирению обеих партий способствовали не только совместная деятельность их рядовых членов и многих местных организаций (например, в Вюртемберге), но и уход с поста руководителя Союза Иоганна Швейцера, который был упорным противником К. Маркса, Ф. Энгельса и лидера СДРП А. Бебеля. Наконец, одинаковые гонения властей и на лассальянцев, и на эйзенахцев также вели к их обоюдному сближению.

Объединение состоялось в мае 1875 г. на съезде в Готе, где была создана новая Социалистическая рабочая партия Германии, сформулировавшая свои цели в принятой на съезде программе. Готская программа была в определенной мере противоречивой, поскольку явилась плодом компромисса. Теоретическая ее часть включала ряд ортодоксальных марксистских принципов, конкретные разделы носили отпечаток лассальянства. Программа требовала обобществления средств производства и подчеркивала, что по отношению к рабочему классу все прочие классы представляют только реакционную массу, что явно отдавало сектантством. Из программы следовало, что партия выступает за уничтожение существующего государственно-общественного строя и за создание «свободного народного государства», суть которого оставалась, однако, не очень ясной.

С другой стороны, в программе указывалось, что поставленных целей партия намерена добиваться «всеми средствами в рамках законов», что означало фактический отказ от идеи насильственной социалистической революции. В числе прочего именно это вызвало сильнейшее недовольство Маркса и Энгельса. В письме к руководителям эйзенахцев (впоследствии опубликованном под названием «Критика Готской программы») Маркс подверг ее сокрушительному разгрому.

Лидерами объединенной партии стали ведущие эйзенахцы Август Бебель (1840-1913) и Вильгельм Либкнехт (1826-1900). Бебель, несмотря на молодость, был тогда едва ли не лучшим знатоком марксистского учения и человеком, который среди прочих социал-демократических руководителей мыслил наиболее трезво и практично. Печатным органом партии стала выходившая с 1876 г. в Лейпциге газета «Форвертс» («Вперед!»).

Готское объединение послужило исходным пунктом для нового и мощного подъема социалистического движения. В то время как на выборах в рейхстаг в 1871 г. социалисты, получив 124 тысячи голосов, провели двух депутатов, а на выборах 1874 г. - 9 депутатов, за которых проголосовали 352 тыс. человек, после объединения на выборах 1877 г. они получили поддержку почти полумиллиона избирателей и заняли в рейхстаге 12 мест. Оплотом их стала Саксония, давшая социалистам 7 мандатов. Эти выборы наглядно показали, к чему привело несправедливое деление избирательных округов. Так, если по числу поданных за них голосов социал-демократы заняли четвертое место, то по количеству депутатов - последнее, восьмое место в рейхстаге. В то же время консервативная Имперская партия, получившая даже чуть меньшее количество голосов, провела в парламент 38 своих депутатов, поскольку победила в большинстве мелких сельских избирательных округов.

«Исключительный закон». Социалистическая партия с ее интернационалистским характером казалась Бисмарку наиболее опасным противником молодого национального германского государства. Страх перед революцией давно стал одним из главных мотивов его политического поведения, уже с 60-х годов его все чаще преследовал «кошмар революций», резко усилившийся после Парижской Коммуны и выступления Бебеля в рейхстаге с речью в ее поддержку.

Для канцлера социалисты и анархисты представляли одно и то же подрывное движение. Тогда это было широко распространенным мнением, тем более понятным, что некоторые видные немецкие социалисты (И. Мост, Й. Хассельман) действительно были близки к анархизму.

Преувеличение опасности революции побуждало Бисмарка к росту деятельности социалистической партии. Но сразу он не и мог этого добиться. Его первые попытки закрыть «антигосударственную» прессу в 1874 г. и ввести в уголовный кодекс статью о наказании за «разжигание классовой ненависти» в 1875 г. встретили сопротивление либерального большинства в рейхстаге и (ЮТврпели неудачу.

Лишь покушения на кайзера дали Бисмарку давно искомый повод принять особый закон против социал-демократии. В мае 1878 г. неудачное покушение на Вильгельма I совершил ремесленный подмастерье Макс Хедель, бывший член лейпцигской организации социалистов. Но наспех подготовленный проект закона о запрещении социалистической партии не получил поддержки подавляющего большинства рейхстага. Разумеется, либералы, так же как Бисмарк, консерваторы и Центр, были противниками социализма, но они стремились оставаться на почве законности и уважения политических прав личности.

Однако через неделю произошло второе покушение, при котором кайзер был тяжело ранен выстрелами из дробовика. Никакой связи покушавшегося с социалистами установить не удалось, но ранение популярного в массах императора вызвало в стране сильное волнение: официозные и консервативные газеты на все лады расписывали ужасы надвигавшегося «красного террора».

Бисмарк немедленно распустил рейхстаг, чтобы получить в новом желаемую поддержку. По итогам выборов обе консервативные партии получили 115 мест вместо прежних 78, обе либеральные партии потеряли 42 мандата. Уже в ходе предвыборной кампании стало ясно, что, учитывая направленность общественного мнения, национал-либералам придется согласиться с предложением канцлера.

В октябре 1878 г. рейхстаг голосами консерваторов, национал-либералов и некоторых независимых депутатов (всего 221) против Центра, прогрессистов, социалистов и польской фракции (всего 149) принял «Закон против общественно опасных устремлений социал-демократии», получивший название «исключительного закона».

Запрещалась деятельность всех социалистических союзов и организаций и их печать. Социалистическая агитация наказывалась тюремным заключением или высылкой, местные власти получили право вводить (в случае необходимости) осадное положение сроком до одного года. Единственное смягчение закона, которого удалось добиться национал-либералам, - то, что срок его действия ограничивался двумя с половиной годами, но всякий раз впоследствии его продлевали вплоть до 1890 г. Исключительный закон против социалистов рикошетом ударил и по национал-либералам. В обществе пошатнулась вера в их искреннюю приверженность принципам правового государства, обострились противоречия внутри самой партии, из которой в 1880 г. вышло левое крыло во главе с Людвигом Бамбергером, объединившееся затем с прогрессистами.

Подавить социалистическое движение не удалось. Социалисты по-прежнему избирались в рейхстаг, только

в качестве независимых депутатов от рабочих. Запрещенные партийные организации зачастую действовали под вывеской рабочих спортивных и певческих союзов и касс взаимопомощи. Социал-демократические издания печатались в Швейцарии и нелегально доставлялись в Германию через разветвленную сеть «красной полевой почты». В 1880 г. на съезде в Швейцарии в Готскую программу было внесено важное изменение, согласно которому партия должна добиваться своих целей «всеми средствами», в том числе и революционными.

Конечно, «исключительный закон» не идет в сравнение с кровавым подавлением восстания парижских рабочих в июне 1848 г. и Парижской Коммуны в мае 1871 г. Но он запретил политическую деятельность целой партии не за совершенные преступления, а за идейные позиции. Именно поэтому для либерального XIX в. с его верой в приоритет права «исключительный закон» представлял собой чрезвычайно негативное явление.

Не достиг он и желаемых результатов. После небольшого замешательства и растерянности социал-демократия Германии вновь начала активную политическую деятельность и на выборах в рейхстаг в 1884 г., опираясь на поддержку 500 тыс. человек, провела 24 депутата. На выборах 1887 г. социалисты добились дальнейших успехов, за них проголосовали 763 тыс. избирателей. Как в «культуркампе», так и в попытке подавить социалистическое движение Бисмарк потерпел полное поражение.

3. Разрыв Бисмарка с либералами. Отставка «железного» канцлера. Внешне поводом для конфликта канцлера с национал-либералами явились таможенная и финансовая реформы, переход от политики свободной торговли к протекционизму. Но это был только один момент в ряду иных мотивов и обстоятельств. Социальному и экономическому индивидуализму либералов противоречила подготавливаемая Бисмарком государственная социальная политика, они требовали продолжения «культуркампе», уже бесперспективного в глазах канцлера. Главной же причиной конфликта была проблема парламентаризма и конституционализма.

Когда после кризиса 1873 г. усилился процесс концентрации производства, то возросла потребность преодоления экономической неустойчивости путем эффективного руководства и контроля со стороны государства. В связи с этим Германия оказалась перед выбором - либо сохранение авторитарной системы, либо создание системы парламентарно-массовой демократии. Бисмарк выбрал первый вариант, либералы настаивали на втором.

В 1878 г. канцлер решился на переориентацию своего прежнего курса и на перегруппировку сил в рейхстаге. Из правительства были удалены либеральные сторонники фритредерского курса, сам канцлер стал открыто поддерживать агитацию протекционистов.

На разрыв с либералами Бисмарка толкало еще одно обстоятельство - его конфликт с наследником престола. Кронпринц Фридрих и его жена, английская принцесса Виктория, были противниками внутренней политики канцлера и еще с 60-х годов имели тесные связи с лидерами левого национал-либерализма. В случае смерти Вильгельма I, которому было уже за 80 лет, оппозиционное Бисмарку левое крыло национал-либералов получило бы мощную поддержку нового монарха и постаралось бы ограничить всевластие канцлера путем реформы.

Осенью 1878 г. в рейхстаге образовался блок сторонников протекционизма из консерваторов, большинства депутатов Центра и группы правых национал-либералов. В нем впервые объединились консерваторы и либералы, аграрии и промышленники.

На очередной сессии рейхстага в феврале 1879 г. с тронной речью выступил сам император, открыто осудивший фритредерскую политику и призвавший вернуться к испытанным протекционистским принципам Таможенного союза первой половины XIX в.

После ожесточенной полемики в прессе и бурных дебатов в парламенте сторонники протекционизма одержали победу. Были введены покровительственные пошлины на ввоз железа, леса, зерна, скота. Это должно было повысить цены на иностранную продукцию и улучшить шансы отечественных промышленников и аграриев на сбыт своей продукции. От введения новых пошлин на колониальные товары (табак, чай, кофе и т.п.) и протекционистского таможенного тарифа выигрывало и государство, доходы которого значительно возросли.

Переход к политике протекционизма привел к повышению стоимости жизни и ухудшил положение широких слоев населения. Введение ввозных пошлин на зерно позволило крупным прусским аграриям по-прежнему не проводить модернизацию хозяйства, сохранить рутинные порядки, укрепить свое привилегированное положение в политической системе империи. Но пострадало множество мелких крестьян, покупавших зерно, и большинство среднего крестьянства животноводческих районов от вздорожания кормов.

Бисмарковский протекционизм стал защитой крупных промышленников и аграриев, которые стремились с помощью государства полностью захватить внутренний рынок и искусственно ограничить конкуренцию иностранных товаропроизводителей.

В целом введение протекционистских пошлин не принесло германской экономике и народу того великого процветания, которое предсказывали их сторонники. Но и того вреда, о котором много писали либеральные экономисты и политики, покровительственные пошлины также не причинили.

Более значительные последствия повлекли за собой события 1878-1879 гг. в социально-политическом

отношении. Если провозглашение Германской империи было в значительной мере формально-символическим актом, то подлинная сущность нового государства определилась именно в эти годы. Из политически активной части общества, которая могла серьезно влиять на политику государства, законом против социалистов был исключен рабочий класс, а вслед за ним в итоге борьбы вокруг протекционизма - либеральная буржуазия. До этого времени Германия имела шанс перейти на путь парламентарно-демократического развития, теперь этот шанс был утрачен. Германская империя окончательно определилась как государство авторитарного типа, в котором господствующее положение занял союз аграрно-аристократической элиты и магнатов тяжелой промышленности. Либерально-демократические силы были оттеснены на задний план, на роль оппозиционного меньшинства.

Отставка «железного канцлера». Вступление на трон в июне 1888 г. сына Фридриха, 29-летнего Вильгельма II, резко пошатнуло положение Бисмарка. Новый кайзер был незаурядной личностью, его отличали живость ума, любознательность и интерес ко всему новому. Но его способности слишком часто сводились на нет неуравновешенным характером, огромным самомнением и отсутствием человеческого и политического такта. Эксцентричная манера поведения заставляла многих даже усомниться в психическом здоровье нового кайзера, страдавшего явным комплексом неполноценности (левая рука Вильгельма была от рождения парализована).

Современники злословили, что он стремится всюду быть главным: на всяких крестинах - отцом, на каждой свадьбе - женихом, на любых похоронах - покойником.

Вильгельм II был проникнут такими представлениями о роли монарха, которые не укладывались в рамки скромного немецкого конституционализма и недвусмысленно противоречили бисмарковскому стремлению к единовластию. Не признававший никаких ограничений для своей воли, кайзер неизбежно должен был вступить в конфликт со всемогущим канцлером, который не мог предъявить императору никаких значительных успехов во внешней и внутренней политике. Напротив, в начале 1889 г. Бисмарк потерпел крупную неудачу при попытке заключить союз с Англией, отклонившей его предложение. Не случайно газета партии Центра «Германия» писала в апреле 1889 г., что канцлеру «больше ничего не удастся».

Но главной причиной крушения Бисмарка явились не внешние, а внутренние дела. Окончательно выявилась несостоятельность «исключительного закона», что вызывало острейшие разногласия в правящих верхах и картельных партиях.

1889 и начало 1890 г. принесли рекордное число забастовок (более тысячи). В мае 1889 г. почти 150 тыс. шахтеров Рура прекратили работу, требуя введения 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты, отмены сверхурочного труда. Во время этой забастовки проявились первые расхождения между императором и канцлером в подходе к рабочему вопросу.

Вильгельм под влиянием своих представлений о Пруссии как о «социальном королевстве», монархе как «отце народа» склонялся к мысли повысить свою популярность отказом от системы репрессивных мер и проведением реформы в области трудовых отношений. Поэтому он потребовал от предпринимателей покончить с рурской забастовкой путем соглашения с рабочими и частичных уступок.

Крайне раздраженный этим Бисмарк предложил бессрочное продление закона против социалистов. Но при обсуждении в рейхстаге национал-либералы высказались против параграфа о высылке социал-демократов из страны и стояли на своем до конца. Законопроект в январе 1890 г. был отклонен.

В феврале император подписал указы о разработке мероприятий по охране труда, ограничению рабочего дня, введению воскресного отдыха, особых условиях труда женщин и детей, созданию учреждений по урегулированию трудовых конфликтов. Бисмарк отказался скрепить их своей подписью, он упорно не хотел подавать в отставку.

Последний удар нанесли ему результаты выборов в рейхстаг в феврале 1890 г. Картельные партии потерпели поражение, потерпи почти половину мест. Сильнейшей фракцией стала партия Центра, левые либералы удвоили свое представительство. Но сенсацией стал успех социалистов, за которых проголосовало больше всего избирателей (почти 1,5 млн. человек) и которые получили 35 мест.

Радикальное ухудшение парламентской ситуации привело Бисмарка к мысли о государственном перевороте, провоцировании социально-политических конфликтов, которые могли бы послужить поводом для роспуска рейхстага и отмены всеобщего избирательного права. Он был даже готов похоронить собственное детище - империю - путем отказа немецких государей от договора о ее создании, а прусского короля - от императорской короны, чтобы позднее воссоздать ее в чисто авторитарном виде.

Однако император после колебаний отказался принять план Бисмарка, не желая начинать свое правление с острого конфликта с непредсказуемыми последствиями. Провалом окончилась и попытка канцлера заполучить поддержку партии Центра. Она была готова при определенных уступках перейти на сторону Бисмарка в союзе с консерваторами, но на этот союз последние категорически не соглашались.

Переговоры Бисмарка с лидером партии Центра Виндхорстом, о которых Вильгельм узнал задним числом, вызвали его сильнейшее недовольство и послужили формальным предлогом для его требования канцлеру подать в отставку, что и произошло и марте 1890 г. Эра Бисмарка закончилась. В истории Германии началась новая глава.

Социальное законодательство. Проводя по отношению к рабочему движению политику «кнута и пряника», Бисмарк попытался разьединить пролетариат и социал-демократию, чтобы привлечь рабочих на сторону государства проведением социальной реформы. По указанию и при непосредственном участии канцлера была разработана серия законов о социальном страховании: закон о страховании на случай болезни (май 1883 г.), от несчастных случаев на производстве (июнь 1884 г.), закон о страховании в связи с инвалидностью и старостью (май 1889 г.).

Система страхования охватывала лишь часть рабочего класса, значительная доля расходов на социальное обеспечение возлагалась на самих рабочих. Но для того времени это был прогрессивный и весьма тщательно разработанный комплекс законодательных актов о пенсионном обеспечении и страховании, хотя идея законодательной охраны труда была сразу отвергнута Бисмарком. Проводить социальные реформы ему пришлось, преодолевая сопротивление не только буржуазных партий, но и социал-демократов.

Либералы возражали против создания имперского страхового ведомства и государственного субсидирования фонда социального страхования, а также против государственного вмешательства в сферу социальных отношений вообще. По их убеждению, это ограничивало свободу личности и делало ее зависимой от власти. С их точки зрения, законопроекты канцлера представляли собой «государственный социализм». Сам Бисмарк, не возражая против этого термина, предпочитал, однако, говорить о «практическом христианстве», которое поможет вырвать бедняков из-под вредного влияния «красноречивых честолюбцев, стоящих во главе рабочего движения».

Стараниями либералов и социалистов, усмотревших в этом только уловку, чтобы вырвать рабочих из-под их влияния, а так же партии Центра первая попытка Бисмарка ввести социальное законодательство в 1881 г. провалилась. Лишь его настойчивость привела в конце концов к принятию социальных законов. Одновременно рабочим предоставлялось право создавать легальные профсоюзы, кассы взаимопомощи, выпускать рабочие газеты с условием не пропагандировать социалистические идеи.

Законы о страховании носили в целом патриархально-патерналистский характер. Они не могли удовлетворить рабочих, т.к. оставляли их в положении париев общества, не давали им статуса равноправных граждан Германской империи и особенно Пруссии, где продолжал действовать трехклассный избирательный икон.

Социальное законодательство не реформировало утвердившийся в Германии капиталистический строй. Но для своего времени оно было значительным шагом вперед и выделяло Германию среди других стран.

Часть 2. Экономическое развитие Германии в конце XIX – нач. XX вв.

- 1. Грюндерство и экономическое развитие Германии в 70-е годы.**
- 2. Кризис 1873 г. и его последствия.**
- 3. Социально-экономическое развитие в нач. XX в.**

1. Грюндерство и экономическое развитие Германии в 70-е годы.

Победа над Францией принесла Германии золотой дождь пятимиллиардной контрибуции, а немецкой тяжелой промышленности - столь желанную для ее развития железорудную базу Лотарингии, ставшей главным поставщиком сырья для рейнско-рурской металлургии.

Однако французскими деньгами победители распорядили не лучшим - в смысле экономической рациональности - образом, хотя и в соответствии с духом тогдашнего времени. Около половины контрибуции пошло на реорганизацию и модернизацию армии, другая половина была направлена на погашение имевшихся государственных долгов и уплыла в сейфы частных банков. Часть денег предназначалась для финансирования железнодорожного и отчасти жилищного строительства, а также создания пенсионного фонда для инвалидов войны.

С 1871 г. в стране продолжился быстрый и мощный экономический рост, начавшийся после экономического кризиса 1866 г. и лишь ненадолго приторможенный франко-прусской войной. В империи был установлен упрощенный заявительный порядок образования акционерных обществ, создан единый эмиссионный Имперский банк, введена единая валюта - марка, основывавшаяся с 1873 г. на золотом стандарте вместо прежнего серебряного, что облегчало немецкой торговле выход на мировые рынки.

К моменту создания Германской империи промышленный переворот вступил в завершающую стадию. В 70-е годы капитализм свободной конкуренции достиг апогея своего развития, а в течение следующего десятилетия в германской экономике все отчетливее проявляются тенденции концентрации и монополизации производства и капитала, на авансцену выдвигаются картельные объединения.

С 1870 по 1872 г. промышленное производство в Германии возросло на одну треть, выплавка чугуна - на 40%, а стали - на 80%, почти на треть увеличилась добыча каменного угля. Быстрыми темпами развивались машиностроение и текстильная промышленность, где заметное место заняло хлопчатобумажное производство

Верхнего Эльзаса. Однако более половины всех занятых в текстильной промышленности все еще составляли рабочие-надомники. С развитием текстильного производства быстро росло значение химической промышленности, поставившей ему три важнейших необходимых компонента - серную кислоту, соду и хлор.

Индустриализация Германии шла такими быстрыми темпами потому, что ее промышленность имела возможность широко заимствовать опыт и технологию развитых капиталистических стран и строить новое производство на базе самой современной. Тогда техники. Она располагала также вышедшими из ремесла высококвалифицированными рабочими и превосходными техническими специалистами. Сыграл свою роль и высокий уровень германской науки, где в первой половине XIX в. было сделано больше открытий, чем в Англии и Франции вместе взятых.

Специфической чертой экономического подъема 1871-1873 гг. стало в Германии лихорадочное учреждение множества новых ПК пионерных обществ («грюндерство»), безудержные биржевые спекуляции и темные финансовые махинации, в которых оказались замешанными тысячи людей. За два года в империи было создано почти 700 акционерных обществ с капиталом в 2 млрд марок. Их акции приобретались широкими слоями населения, начиная от самых родовитых аристократов и кончая разносчиками пшеницы. Каждый хотел получить свою долю от французского пирога, спекуляции на бирже стали излюбленным занятием немецкого общества. Большинство якобы новых акционерных обществ, по сути, представляли простую трансформацию прежних семейных предприятий, ибо там, где уже дымила заводская труба или высилась доменная печь, моментально появлялось несколько грюндеров», которые ошеломляли владельца своими заманчивыми предложениями и обещаниями сказочных прибылей. Акционерный капитал многих предприятий зачастую в несколько раз превышал их реальную стоимость, а полученные от наивных вкладчиков деньги пускались в игру на бирже.

В связи с этим резко возросла роль банков - только в одной Пруссии в 1872 г. появились 49 новых банков и кредитных обществ. Крупнейшими банками империи стала «большая Четвёрка»: «Дойче банк», «Дисконто-гезелльшафт», Дрезденский и Дармштадтский банки.

Грюндерская горячка в конце концов стала совершенно неуправляемой и вышла из-под контроля властей. Она не могла не окончиться крахом, который и разразился в 1873 г. Германская экономика, образно говоря, захлебнулась в водопаде французских миллиардов.

2. Кризис 1873 г. и его последствия. Осенью 1873 г. ряд банков объявил о прекращении платежей и своем банкротстве. Сразу вслед за этим стал стремительно падать курс ценных бумаг на всех немецких биржах, сотни тысяч акционеров оказались разоренными.

Начавшись в форме биржевого краха, процесс перешел в сильнейший кризис перепроизводства, проявившийся не столько и свертывании производства, сколько в резком падении цен. Если объем промышленного производства в Германии в 1873-1874 гг. снизился на 5%, то совокупная стоимость его продукции I упала на 15%.

Промышленный кризис дополнился в 1875 г. кризисом аграрным, который был вызван притоком в Европу более дешевого, чем прусское, американского и канадского зерна, а также I хлеба из России и Австралии.

Наступившая вслед за затуханием кризиса долгая депрессия имела далеко идущие последствия. С планами хозяйственного переустройства в поисках выхода первыми выступили крупные промышленники. При этом они развернули яростную критику экономической политики государства. По убеждению промышленников и финансистов, прибыли которых значительно снизились из-за падения цен, кризисное состояние немецкой экономики усугублялось свободным ввозом товаров из-за рубежа. Так, в I 1873 г. в Германии пошлины на изделия из железа были едва ли не самыми низкими в мире, а ввозные пошлины на чугун были отменены полностью.

До краха 1873 г. политика свободной торговли, на которой настаивал экономический либерализм, приносила, как казалось, блестящие результаты. Теперь доверие к фритредерским идеям не только резко снизилось, но они даже стали представляться первопричиной всех бед. В немецкое общество все настойчивее внедрялась мысль о том, что именно либералы несут главную вину за возникновение экономического кризиса, что они не в состоянии найти способ оздоровления хозяйственной ситуации.

Летом 1875 г. один из ведущих силезских промышленников и лидер свободных консерваторов Вильгельм Кардорф опубликовал брошюру «Против течения», где подверг жесткой критике идеи либерализма и потребовал введения покровительственных пошлин. В 1876 г. он создал наиболее мощную организацию представителей тяжелой промышленности - Центральный союз, немецких промышленников, к которому присоединились и хлопчатобумажные фабриканты. Союз требовал отказа от политики свободной торговли и перехода к протекционизму как главному средству спасения национальной экономики. Он развернул широкую агитацию по всей стране и организовал в рейхстаге специальную фракцию - Свободное народнохозяйственное объединение — для давления на канцлера под лозунгом «защиты национального труда».

К середине 70-х годов изменились и экономические воззрения прусских аграриев. С 1865 г. ввоз зерновых в

Германию был беспошлинным, в соответствии с чем и сбыт немецкого хлеба на английском рынке происходил на льготных условиях. Но с наступлением аграрного кризиса 1875 г. британский рынок оказался для прусских аграриев практически недоступным, а на утреннем рынке резко возросла конкуренция более дешевого американского хлеба. Сторонники протекционистских пошлин среди прусского юнкерства в 1876 г. создали свою организацию, которая выступила единым фронтом с Союзом промышленников.

Однако пока большинство мест в рейхстаге принадлежало национал-либералам и прогрессистам, провести через него протекционистские законы было невозможно.

Кризис 1873 г. стал столь важной вехой в истории Германии потому, что резко усилил тенденцию к принципиальной переориентации всего экономического и политического курса империи.

3. Социально-экономическое развитие в нач. XX в. В конце XIX - начале XX в. экономика Германии продолжала развиваться быстрыми темпами, ее доля в мировом промышленном производстве к 1900 г. составила 16% к 1910 г. империя вышла на второе место в мире после США. В целом объем промышленной продукции за 1893-1914 гг. вырос почти в полтора раза. Германия вышла и на второе после Англии место в мировом товарообороте, где на ее долю приходилось 13%.

В Немецкой промышленности произошли глубокие структурные изменения. Если доля мелких предприятий неуклонно падала, то число крупных (свыше 50 работников) в начале XX в. возросло более чем в три раза по сравнению с началом 80-х годов. Хотя от общего числа промышленных предприятий они составляли всего 1,5%, на них была занята почти половина всех рабочих, около 5 млн из миллионного немецкого пролетариата. Происходила массовая миграция населения из восточных сельскохозяйственных провинций в индустриальные районы Центральной и Западной Германии, в 1900 г. лишь 60% немцев проживали в местах своего рождения, численность городского населения (39 млн., или 60%) превысила численность сельского (26 млн, или 40%).

Быстрая концентрация производства проявилась в ускоренном образовании картелей, число которых возросло с 210 в 1890 г. до 600 в 1911 г. Некоторые из них достигли гигантских размеров и стали монополистами в своих отраслях. Так, Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат контролировал 95-98% добычи угля в этом районе и половину в остальной Германии. Все сталелитейные заводы объединились в единый Стальной трест. В электротехнической промышленности господствовали два общества - «Сименс-Хальске» и АЭГ (Всеобщая электрическая компания), в наиболее передовой химической. На них приходилось две трети всего мирового производства анилиновых красителей.

Такой же процесс шел и в банковском деле, где в 1909 г. 9 берлинских банков контролировали 83% всего банковского капитала, обладая громадной суммой в 11,2 млрд марок. Начали создаваться мощные банковские группы с разветвленной сетью провинциальных отделений, имевшие тесные связи с крупнейшими промышленными объединениями. В 1910 г. директора 6 ведущих банков Берлина являлись членами руководства почти 800 промышленных обществ, а 51 крупный промышленник входил в наблюдательные советы этих банков.

С развитием финансового капитала значительную роль стали играть заграничные инвестиции, прежде всего в Юго-Восточную Европу, Австро-Венгрию, Турцию и Южную Америку. По размеру вывезенного капитала (35 млрд. марок) Германия сравнялась с Францией и уступала только Англии.

Однако, став промышленной державой первого ранга, Германия в политическом отношении оставалась государством авторитарного типа. Ведущие политические позиции сохраняло доиндустриальное прусское юнкерство. Оно доминировало в высшем административном аппарате империи, в офицерском корпусе, в дипломатии. Юнкерство опиралось и на значительную экономическую базу. Хотя число латифундий не достигало и 0,5% в общем количестве хозяйств, они охватывали почти четверть всей обрабатываемой земли, в Пруссии - около 45%, в Мекленбурге - 55%. В то же время 4 млн мелких крестьян имели всего 15% обрабатываемой земли.

Экономические интересы юнкерства и буржуазии все более смыкались, что не исключало резкого расхождения позиций по многим политическим вопросам. Особенно тесные связи в рамках Свободной консервативной партии существовали между силезскими магнатами и рейнско-вестфальскими хозяевами тяжелой промышленности. Но в целом политические притязания буржуазии всякий раз наталкивались на решительное противодействие юнкерства. Однако история многому научила германскую аристократию, которая предоставлением буржуазии экономических свобод спасла и даже укрепила свое политическое господство.

Часть 3. Внутренняя и внешняя политика Германии в конце в нач. XX вв.

1. **Внутренняя политика в нач. XX в.**
 - **Характер вильгельмовской эпохи.**
 - **Изменения в общественно-политической структуре Германии.**
 - **Обострение политической ситуации в начале XX в.**
 - **Создание консервативно-либерального блока.**
2. **Внешняя политика в нач. XX в.**
 - **Переход к мировой политике.**
 - **Внешиполитические кризисы.**
 - **Германия накануне войны.**

1. Внутренняя политика Германии в нач. XX в.

Характер вильгельмовской эпохи. С 1890 г. в немецкой истории началась новая эпоха. Определяющими принципами предшествующего периода были идея европейского равновесия, национальная идея, конституционное государство и утверждение капитализма либерального типа. Главными же явлениями новой эпохи стали экспансионистская мировая политика, всплеск национализма, политически мобилизовавшего массы, рабочее и социалистическое движение.

В конце XIX в. к империалистической экспансии, проводимой до этого Англией, Францией и Россией, присоединилась и Германия (вместе с Японией и Соединенными Штатами Америки), резко обострилась борьба за рынки сбыта и источники сырья, распространившаяся на весь земной шар.

Процесс индустриализации Германии обусловил значительное увеличение численности промышленного пролетариата, выросшей в 1887-1914 гг. в два раза. Германская социал-демократия превратилась в ведущую силу международного социалистического движения. Окрепло социалистическое, социально-христианское и либеральное профсоюзное движение, все увереннее заявляли о своих правах женщины и молодежь.

В этот период национальная идея переросла в Германии в националистическую, нашедшую обоснование в произвольно истолкованном дарвиновском учении о борьбе за существование, дополненном утверждениями о праве сильнейшего диктовать другим свою волю. Восторжествовала уверенность в том, что в будущем в мире смогут утвердиться только крупные государства, обладающие значительными колониями и зависимыми территориями.

Период 1890-1918 гг. в Германии обычно именуют «вильгельмовской эпохой». Термин не означает, будто Вильгельм II был, подобно Бисмарку, фигурой, определяющей ход событий того времени. Хотя он стремился играть роль Бисмарка и единолично проводить внешне- и внутривнутриполитический курс страны, но по причине частой смены решений и некомпетентности во многих вопросах личное правление императора реально чаще всего выражалось в неожиданном, бесцеремонном и даже неуклюжем вмешательстве в сферу деятельности отдельных министров. Это делало немецкую политику непредсказуемой и опасной для других европейских держав. Не случайно выдающийся немецкий ученый Макс Вебер расценивал стиль правления кайзера как «буланжистски-бонапартистский и проводимый в манере лейтенанта, стремящегося Прослыть оригиналом», и резко осуждал «династическое тщеславие и личные амбиции» Вильгельма.

В определенной мере император воплощал в своей личности облик правящих в Германии верхов, их менталитет, основополагающие ценности и негативные черты. Будучи ярким сторонником мировой экспансии и создания мощного военно-морского флота, кайзер опирался на поддержку буржуазии, а его вера во всемогущество Лиловой политики роднила его с прусским юнкерством, милитаристским по своей натуре. Интерес, проявляемый Вильгельмом к проблемам развития промышленности и торговли, и его тесные связи с крупнейшими предпринимателями Германии Круппом и Штуммом позволяли рассматривать его как идущего в ногу со временем монарха, опирающегося на успехи и расцвет немецкой индустрии и технологии. Но при этом император всегда оставался сторонником сохранения приоритета монархической власти перед парламентом, что отвечало убеждениям дворянских слоев и находило согласие со стороны крупной буржуазии, прежде всего магнатов тяжелой и военной промышленности.

2. Новый курс Каприви и его крах. После ухода Бисмарка наметился иной внутривнутриполитический курс, проводимый канцлером Лео Каприви (1831-1899), прусскими министрами торговли и промышленности Г. Берлепшем и финансов И. Микелем. Они хотели продолжить социальную политику в расширенном объеме, чтобы достичь примирения рабочих и монархии, а также получить поддержку партии Центра и левых либералов, которым был сделан ряд уступок. В частности, католическая церковь получила 16 млн марок государственной дотации, задержанной в годы «культуркампфа», смягчилась политика в отношении польского населения Пруссии. Однако сближение Л. Каприви с Центром и свободомыслящими вызвало недовольство кайзера, предпочитавшего опираться на партии картельного блока.

Политика нового курса проявилась прежде всего в социальной области. Принятый в 1891 г. закон об охране труда запрещал работу в праздники и по воскресеньям, детский труд до 13-летнего возраста на фабриках, продолжительность рабочего дня для подростков устанавливалась в 10, а для женщин - в 11 часов, вводились арбитражные суды из представителей власти, предпринимателей и рабочих для разрешения конфликтных ситуаций.

В 1891-1895 гг. в Пруссии была проведена налоговая реформа, отменившая прежнюю систему, по которой население было разделено на несколько категорий, в каждой из которых был установлен одинаковый для всех налог. Теперь же вводился единый прогрессивный подоходный налог, несколько облегчивший положение неимущих и увеличивший налог с богатых. Его введение значительно повысило доходы государства и позволило передать часть местных налогов сельским общинам и городским магистратам.

Социально-политические цели преследовали и заключенные по инициативе Л. Каприви новые торговые соглашения. Немецкой промышленности внутренний рынок стал уже чересчур тесен, ей требовался рынок мирового масштаба. Но это было возможно только в случае облегчения импорта в Германию продукции тех стран, куда стремились немецкие товаропроизводители.

В 1891-1893 гг. были заключены новые договоры с Австро-Венгрией, Бельгией, Италией, Румынией, Швейцарией. По ним взаимно значительно снижались торговые пошлины. Кроме чисто экономических, Каприви исходил и из политических расчетов, надеясь придать Тройственному союзу прочную материальную основу и привязать австро-венгерскую и итальянскую экономику к немецкой. Особое значение имело заключенное в 1894 г. после ожесточенной таможенной войны и трудных переговоров торговое соглашение с Россией, носившее компромиссный характер.

При утверждении новых торговых договоров в рейхстаге Каприви пожал плоды своего примирительного курса: впервые социал-демократическая фракция проголосовала в поддержку канцлера. Но эти соглашения привели к разрыву между канцлером и консерваторами, выразившими интересы аграриев и протестовавшими против снижения пошлин на сельскохозяйственную продукцию. Реакцией аграриев явилось создание в 1893 г. Союза сельских хозяев, развернувшего бешеную агитацию против новых тарифов. Это было вполне понятно, т.к. цены на зерно резко упали: если в 1891 г. тонна ржи стоила 208 марок, то в 1894 г. - всего 110 марок. Но такое падение имело причиной не столько понижение ввозных пошлин, сколько наплыв более дешевого из Америки.

Однако Каприви потерпел поражение в проведении школьной реформы, предполагавшей значительное усиление влияния церкви в сфере образования. Законопроект вызвал такую бурю возмущения либералов, университетов, различных научных обществ, что был вообще снят с обсуждения. В итоге канцлер лишился поддержки и либералов, и партии Центра: первых - за само внесение такого законопроекта, второй - за то, что не настоял на его проведении. Каприви был вынужден сложить с себя обязанности прусского министра-президента, пост которого отнял консерватор Бото Ойленбург, близкий к императору. Сложилась неестественная ситуация, когда в сильнейшем государстве империи у власти оказалась группа, враждебная канцлеру. Положение Каприви резко пошатнулось. Сотрудничество между ним и Ойленбургом стало невозможным, и император в октябре 1894 г. отправил обоих в отставку. Новым канцлером и прусским премьером стал 75-летний князь Хлодвиг Гогенлоэ, чисто переходная фигура до того времени, пока Вильгельм II не подберет подходящее лицо из более молодых политиков.

При канцлерстве Гогенлоэ консервативные силы попытались ослабить растущее влияние социал-демократии. Однако два законопроекта, направленные против нее, в 1895 и 1899 гг. были отклонены рейхстагом. Лишь в Пруссии удалось провести закон, запрещавший социалистам преподавание в университетах и других нынешних учебных заведениях. Бесперспективность репрессивного курса заставила власти снова повернуть на путь социальных реформ.

Изменения в общественно-политической структуре Германии в конце XIX в. На рубеже веков проявились значительные перемены и в общественно-политической структуре Германской империи. Усилилось противоречие между избираемым демократически рейхстагом и прусским ландтагом, где в силу трехклассного избирательного закона однозначно доминировали консерваторы.

Заметное место в немецком обществе заняли профсоюзы. В 80-е годы они объединяли около 100 тыс. рабочих, входивших почти поровну в социалистические и либеральные профсоюзы. В 1890 г. социалистические профсоюзы сплотились под эгидой Генеральной комиссии свободных профсоюзов Германии, во главе которой встал Карл Легин. В течение ряда лет руководство СДПГ не желало признавать самостоятельность профсоюзов, опасаясь, что их экономический характер приведет к усилению реформистских тенденций. Лишь на Мангеймском съезде социал-демократии в 1906 г. была окончательно принята резолюция о независимости профсоюзов от партии. Свободные профсоюзы а 1900 г. насчитывали почти 700 тыс. членов, в 1910 г. их число превысило 2 млн, а в 1913 г. - 2,5 млн человек.

Помимо социалистических, в Германии действовали «гирш-дункеровские» профсоюзы, называемые так по имени их создателей Макса Гирша и Макса Дункера и близко стоявшие к леволиберальным кругам. Но эти

профсоюзы были немногочисленны и охватывали лишь около 120 тыс. рабочих.

С 1894 г. стало действовать христианское профсоюзное движение под эгидой партии Центра, которое к 1910 г. объединяло свыше 300 тыс. рабочих католического вероисповедания главным образом в Рейнско-Вестфальском районе.

Своеобразную организацию - Национально-социальный союз - создал в 1896 г. один из идеологов либерализма пастор Фридрих Науман. Он пытался соединить идеи либерализма, социализма, монархизма и империализма как политики внешней экспансии. Парламентская демократия и полное равноправие рабочих внутри страны, мощная экономическая экспансия и создание под руководством кайзера крупной колониальной империи ставились как цели новой организации. Но это было попыткой соединить несовместимое, на выборах в рейхстаг в 1903 г. Национально-социальный союз потерпел сокрушительное поражение и слился со Свободомыслящим объединением левых либералов.

Другие социальные группы также создавали свои организации экономической направленности. Большое влияние на политику правительства оказывали союзы предпринимателей, крупнейшими из которых являлись созданный еще в 1876 г. Центральный союз немецких промышленников, политически близкий к свободным консерваторам, и Союз промышленников, возникший в 1895 г. Он объединял представителей легкой промышленности и поддерживал Национал-либеральную партию.

Если предпринимательские союзы выражали интересы промышленников в экономической области, то в сфере социальной политики аналогичную роль выполняли союзы работодателей, объединившихся после крупнейшей забастовки текстильщиков в саксонском городе Криммичау в 1904 г. в общеимперские организации.

По прусскому закону 1897 г. городские ремесленники получили право большинством голосов создавать принудительные гильдии, что противоречило закону и принципу свободы промыслов. К 1914 г. около 40% всех ремесленных организаций имели принудительный характер и ограничивали свободную конкуренцию.

Таким образом, к началу XX в. сформировались многочисленные так называемые «союзы интересов», которые оказывали воздействие на политические партии, превратившиеся из элитарных групп мировоззренческой ориентации в организации, выражавшие политические и экономические интересы различных социальных слоев. Так, Немецкая консервативная партия стала в рейхстаге рупором Союза сельских хозяев.

Заметно возросло число профсоюзных лидеров в социал-демократической фракции, в 1913 г. они составляли треть ее членов. Большей частью они разделяли принципы ревизионизма, течения, выступавшего за пересмотр некоторых устаревших положений марксистской теории (подробнее см. гл. 20). Ревизионисты исходили из того, что тезис Маркса о близком экономическом крушении капиталистической системы и абсолютном обнищании рабочего класса опровергнут историей, а следовавшие из этого революционные выводы являются утопическими и неверными. Ревизионисты ожидали освобождения пролетариата на путях не социальной революции, а реформистской парламентарной демократии. Впервые тенденция ревизионизма проявилась у лидера баварской социал-демократии Георга Фольмара в 1891 г., а его развернутое теоретическое обоснование дал Эдуард Бернштейн в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899).

Руководство партии, исходя из положений марксистской Эрфуртской программы, принятой в 1891 г., резко осудило ревизионизм на Ганноверском съезде СДПГ в 1899 г. Съезд отверг предложения Бернштейна, Фольмара, Гейне, Кварка и их единомышленников превратить социал-демократию в «партию социально-демократических реформ». Бернштейна объявили отступником от марксизма и идеи социалистической революции. Бернштейн, со своей стороны, продолжал настаивать на том, что социал-демократии следует не спекулировать на ожидаемом «крахе капитализма», а бороться за реформы, которые улучшают положение рабочих и демократизируют политическую систему, ибо «то, что называют конечной целью социализма для меня ничто, движение к этой цели — все». Бернштейн ссылался в связи с этим на интервью Ф. Энгельса французской газете «Фигаро» в 1893 г., где тот сказал: «У нас нет конечной цели. Мы сторонники постоянного, непрерывного развития, и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы. Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намек на них не найдете у нас».

Хотя ревизионизм был осужден, в политической практике все отчетливее стал намечаться поворот от революционно-ортодоксального марксизма к демократическому социализму бернштейнианцев. Способствовала этому и деятельность свободных профсоюзов, практические успехи которых находили у рабочих больше понимания и сочувствия, нежели идеологические дискуссии о правильном толковании «научного социализма», ограниченные сравнительно узким кругом участников.

Обострение политической ситуации в начале XX в. В 1900 г. на пост рейхсканцлера был назначен князь Бернхард Бюлов (1849-1929), который до этого ведал иностранными делами. Поскольку он не был достаточно

сведущ в вопросах внутренней политики и социальных отношений, то предоставил свободу действий статс-секретарю по внутренним делам графу Артуру Посадовскому, а сам сконцентрировался на внешней политике.

Убедившись в том, что репрессивные меры против социал-демократии и профсоюзов не получают одобрения в рейхстаге, Посадовский вернулся к методам социальных реформ, чтобы постепенно интегрировать рабочий класс в монархическое государство. В этом статс-секретаря поддерживала сильнейшая в рейхстаге фракция Центра.

Требования парламентского большинства нашли отражение в трех законах. В 1899 г. была разрешена свобода коалиций между различными организациями. В 1904 г. рейхстаг отменил закон, разрешавший правительствам отдельных немецких государств высылать за границу членов иезуитского ордена. Наконец, в 1906 г. для депутатов рейхстага было введено денежное довольствие. В свое время Бисмарк категорически воспротивился этому, чтобы затруднить участие социал-демократов в сессиях парламента, а в результате многие депутаты нерегулярно посещали заседания и зачастую рейхстаг не имел необходимого кворума.

Посадовским был проведен ряд новых социальных реформ: расширен круг застрахованных от несчастного случая, третейские арбитражные суды вводились во всех общинах с численностью свыше 20 тыс. человек, продлевался срок оплаты в случае болезни, детский труд запрещался и в надомном производстве, была принята имперская программа жилищного строительства для рабочих, на которую ежегодно выделялось 4-5 млн марок.

В 1903-1904 гг. истек срок торговых договоров, заключенных Л. Каприви. Союз сельских хозяев и консерваторы заблаговременно развернули широкую агитационную кампанию, требуя двойного повышения тарифов на ввоз зерновых культур. Поскольку парламентское большинство было настроено не так экстремистски, то в конечном счете тарифы были повышены, но только до уровня 1892 г.

Осуществление флотских программ и социальных реформ, участие в подавлении «боксерского» восстания в Китае, увеличение армии до 633 тыс. человек требовали больших финансовых трат. В результате государственный долг возрос в 1904 г. Положение почти не улучшилось и после введения и дополнения к местным налогам первого прямого имперского налога на получение родственниками наследства и некоторого повышения косвенных налогов.

Новых расходов потребовало подавление вспыхнувшего в 1904 г. восстания племен гереро и готтентотов в Юго-Западной Африке против немецкого господства. Посланный туда 17-тысячный корпус жестоко разгромил основные очаги восстания, но партизанская война продолжалась до 1907 г. Когда правительство запросило дополнительные кредиты на колониальные нужды, то встретило сопротивление партии Центра, которая желала участия католических миссий в назначении колониальной администрации и с христианской точки зрения осуждала жестокое обращение с местным населением.

Получив отказ статс-секретаря только что созданного Имперского колониального ведомства Б. Дёрнбурга, партия Центра вместе с социал-демократами провалила колониальные кредиты. После этого строптивый рейхстаг был распущен и назначены новые выборы, означавшие конец социального курса Посадовского.

Создание консервативно-либерального блока. Выборы 1907 г. состоялись под знаком борьбы проправительственных партий против Центра и социал-демократов. Проходившие в обстановке всплеска националистических эмоций, они принесли победу союзу консервативных и либеральных партий, получивших большинство мест и образовавших «бюловский блок». Партия Центра все же сохранила свои позиции и осталась самой крупной в рейхстаге фракцией, но социал-демократы потеряли почти половину мандатов. Однако победа консервативно-либерального блока была обусловлена прежде всего устаревшим и несправедливым делением избирательных округов и не отражала истинного соотношения сил. По числу депутатов блок имел большинство, но по количеству избирателей перевес был на стороне оппозиции (4,9 против 5,4 млн голосов). Социал-демократы потеряли 38 мест, но за них проголосовало на четверть миллиона больше, чем на предыдущих выборах. Поражение СДПГ привело к усилению реформистских настроений в партии и прекращению ради сохранения единства полемики с ревизионистами.

«Бюловский блок» не являлся сплоченным и стабильным. Либералы стремились к расширению прав рейхстага и введению в Пруссии всеобщего и равного избирательного права. Консерваторы настаивали на сохранении сложившегося порядка. Объединяла их лишь общая позиция по внешнеполитическим проблемам.

В 1908 г. рейхстаг принял либеральный закон о союзах и собраниях, единый для всей империи. Были ограничены широкие прежде права полиции по надзору за собраниями, женщины получили право участвовать в них и вступать в различного рода организации. Ранее закон предписывал, чтобы на массовых собраниях ораторы пользовались только немецким языком, теперь полякам, датчанам и населению Эльзаса-Лотарингии было разрешено публично выступать на родном языке. Однако одновременно с этим либеральным законом в Пруссии был принят закон об отчуждении, по которому специальная имперская комиссия получила право скупать польские земельные владения, в случае необходимости даже отчуждать их, и продавать только немецким колонистам, чтобы усилить германизацию восточных прусских провинций. Хотя из-за внутренних сложностей и сопротивления польского населения закон практически не применялся, само его существование отравляло политическую атмосферу в Пруссии.

В конце 1908 г. канцлер Бюлов оказался в сложной ситуации, вызванной очередной бестактностью кайзера. В октябре лондонская газета «Дейли телеграф» опубликовала интервью Вильгельма, где он утверждал, что является большим другом Англии, но вынужден считаться с господствующими в немецком обществе антибританскими настроениями. Далее кайзер заявил, что в англо-бурской войне 1899-1902 гг. буры были разгромлены по его собственному плану, который он якобы послал королеве Виктории, и что именно он воспрепятствовал тогда же созданию антианглийской Континентальной лиги.

В Англии первая часть интервью была воспринята как доказательство глубокой немецкой вражды к Британии, а вторая - как свидетельство надменности и высокомерия германского императора. Россия и Франция заявили официальный протест и возмущение попыткой кайзера спровоцировать ухудшение их отношений с Англией.

Внутри страны все политические партии, даже консерваторы, потребовали, чтобы впредь Вильгельм был более осмотрителен и воздерживался от необдуманных выступлений. Крайние экспансионисты тоже выразили сожаление, но по причине излишнего, на их взгляд, дружелюбия Вильгельма к враждебной Англии.

Следует, однако, отметить, что предварительно император отправил текст интервью в ведомство иностранных дел, т.е. Бюлову, однако возражений и исправлений не последовало.

(Канцлер то ли специально «подставил» кайзера, то ли на самом деле не читал интервью, а перепоручил это своим подчиненным.) В ходе обсуждения скандала в рейхстаге Бюлов под огнем критики всех партий не решился взять ответственность на себя или защищать кайзера. Свалив всю вину на Вильгельма, канцлер заявил, что не в состоянии отвечать за политику империи, если и впредь кайзер не проявит сдержанности и благоразумия. В уклончиво-трусливой позиции Бюлова император не без оснований усмотрел предательство и сделал вывод о необходимости его замены при первом удобном случае. А в рейхстаге, почувствовавшем свое значение, левые либералы, партия Центра и социал-демократы потребовали, чтобы кабинет нес ответственность перед парламентом за свою деятельность.

Консервативно-либеральный блок развалился в 1909 г. из-за разногласий относительно финансовой реформы. Для покрытия государственного долга, перевалившего за 4 млрд марок, и бюджетного дефицита требовалось дополнительно 500 млн марок ежегодно. Реформа предусматривала введение налога для прямых наследников недвижимости и повышение косвенных налогов на потребительские товары. Против новых косвенных налогов выступили в рейхстаге свободомыслящие и социал-демократы, а консерваторы и Центр протестовали против налога на наследство, усмотрев в нем посягательство на право земельной собственности. Произошла перегруппировка сил в парламенте, где оформился новый «черно-голубой» блок Центра и консерваторов (название происходит от черной одежды духовенства и «голубой» крови аристократии). Он нашел свой выход из финансовых затруднений: вместо налога на наследство рейхстаг принял закон о налоге на операции с ценными бумагами и биржевые сделки, так что аграрии еще раз одержали победу над капиталистами.

Лишившись опоры в рейхстаге, Бюлов в июле 1909 г. подал в отставку. Необычным в этой ситуации было то, что по крайней мере нормально впервые в авторитарной Германской империи канцлер ушел со своего поста после парламентского поражения. Новым канцлером стал Теобальд Бётман-Гольвег (1856-1921), образованный и трудолюбивый прусский чиновник. Однако в отличие от энергичного и изворотливого циника Бюлова Бетман-Гольвег не обладал сильным характером, долго и с колебаниями принимал решения, терялся в сложных ситуациях и обычно подчинялся своему неуравновешенному монарху, впрочем, ценившему канцлера как раз за это.

2. Внешняя политика.

Переход к мировой политике. Поворот во внешней политике Германии после отставки Бисмарка выразился прежде всего в отказе от его континентальной политики. Разумеется, его преемники также видели опасность сближения России и Франции и вероятность войны на два фронта, но рассматривали эту проблему как чисто военно-техническую. Руководители немецкой внешней политики в 1904 г. считали, что противоречия между Англией, с одной стороны, Францией и Россией - с другой, гораздо сильнее, нежели противоречия Германии с Россией и даже Францией. Поэтому в 1890 г. Германия отказалась возобновить «договор перестраховки» с Россией. Почти одновременно с этим она заключила с Англией Гельголандский договор (см. гл. 8), послуживший для Петербурга поводом заподозрить сближение Англии и Германии на антироссийской платформе и ускоривший его поворот в сторону Франции.

Однако противоречия, разделявшие Англию и Германию, оказались гораздо более сильными, чем их общее стремление помешать русской экспансии в Азии и на Балканах. Немецкие товары успешно вытесняли английские с рынков России, Австро-Венгрии, Дании, Швеции, Румынии, Турции и др. стран. В 90-е годы немецкие металлоизделия продавались в самой Британии по более низким ценам, чем отечественные. В Азии и Латинской Америке началась ожесточенная конкуренция английских и немецких банков за захват сферы вложения капиталов.

Проникновение Германии на Ближний Восток было связано с получением концессии на строительство

Багдадской железной дороги, которая из чисто экономического предприятия превратилась в орудие подчинения Османской империи и подрыва британских позиций в этом регионе.

К концу XIX в. Германия захватила важные в стратегическом отношении часть Самоанских, Каролинские, Маршалловы и Марианские острова в Тихом океане. В 1897 г. она под видом аренды утвердилась на Шаньдунском полуострове в Китае и навязала ему неравноправный договор.

Стремясь изолировать Англию, Германия попыталась в 1895 г. создать Континентальную лигу в составе ее самой, России и Франции, но потерпела неудачу.

Поскольку Британия оставалась «владычицей морей», Германия не могла рассчитывать на успех без создания своего мощного военно-морского флота, строительство которого стало стержневым элементом мировой политики. Руководителем и инициатором первой флотской программы стал новый статс-секретарь военно-морского ведомства адмирал Альфред Тирпиц (1849-1930). В 1898 г. рейхстаг утвердил программу, по которой предусматривалось строительство 19 линкоров, 8 броненосцев береговой обороны, 13 тяжелых и 30 легких крейсеров. В 1900 г. программа была увеличена в два раза. Юнкерство, видевшее главную задачу в укреплении сухопутной армии, вначале противилось флотским программам и согласилось на их осуществление только в обмен на значительное увеличение армии.

В 1897 г. статс-секретарем по иностранным делам стал Бернхард Бюлов, сторонник и проводник активной внешней экспансии. Уже в первых публичных выступлениях он заявил, что «те времена, когда немец уступал одному из своих соседей землю, другому - море, а себе оставлял небо, где господствует чистая теория, — эти времена прошли... Мы никого не хотим отодвигать и тень, но требуем и себе места под солнцем».

Выполняемые с немецкой пунктуальностью флотские программы вызывали большое беспокойство британских политиков. Некоторые из них вынашивали планы превентивного нападения на еще слабый германский флот, чтобы уничтожить его в зародыше. Планы эти, ставшие в Германии известными, вызвали новую мощную волну антибританских настроений.

В 1906 г., когда в Англии со стапелей сошел новый сверхмощный линейный корабль «Дредноут», начался новый этап гонки морских вооружений, как бы вернувшихся с появлением дредноутов к нулевой точке отсчета. В ответ в Германии были приняты третья и четвертая флотские программы, по которым ежегодно предусматривалось строительство четырех линкоров типа «дредноут». В Англии соответственно приняли решение строить такое количество сверхмощных военных кораблей, чтобы всегда иметь их на 60% больше, чем Германия.

К 1913 г. Германия превратилась из пятой во вторую морскую державу мира, хотя мощь ее военного флота все еще значительно отставала от британской.

Внешнеполитические кризисы. В начале XX в. Германия оказалась в ситуации почти непрерывно провоцируемых ею же международных кризисов, каждый из которых все ближе подталкивал Европу к войне.

Не сумев предотвратить создание в 1904 г. англо-французск Антанты, Германия постоянно стремилась подорвать русею французский союз, чтобы избежать угрозы войны на два фронта. Во время русско-японской войны Вильгельм при встрече с Николаем II в Бьёрке (Финляндия) предложил царю заключить союз ный договор и почти добился своего, если бы российские мини стры не убедили Николая в том, что Бьёркский договор против! речит союзу с Францией и делает невозможным получение нов] французских займов. Несколько раз в 1909-1912 гг. Герма; предпринимала неудачные попытки обеспечить британский не: тралитет, соглашаясь взамен на уменьшение своих флотских программ. Такая политика «маятника», попеременной ориентации то на Россию, то на Англию, свидетельствовала о том, что германская внешняя политика оказалась в тупике. Марокканские кризисы 1905 и 1911 гг., вызванные немецким стремлением утвердиться в Северной Африке, показали растущую международную изоляцию Германии, которая могла определенно рассчитывать только на поддержку слабеющей Австро-Венгрии. Италия, отношения которой с Габсбургской империей явно ухудшались из-за противоречий на Балканах, все более переориентировалась на Францию.

Чувствительный удар по германским планам утверждения на Ближнем и Среднем Востоке нанесли Балканские войны 1912-1913 гг. В итоге первой из них Турция, находившаяся под сильным немецким влиянием, потеряла почти все свои территории в Европе. Вторая Балканская война закончилась поражением Болгарии, сблизившейся к этому времени с австро-германским блоком.

Предвидя неизбежность военного конфликта, германское руководство вело энергичную подготовку к нему. Численность армии возросла почти на четверть (с 612 до 748 тыс. человек), были сформированы два новых корпуса и несколько полков тяжелой артиллерии, полевая артиллерия была придана непосредственно пехотным дивизиям, что повышало ее маневренность.

Германия опережала остальные европейские державы по общим военным расходам, увеличившимся с 1910 по 1914 г. почти вдвое. Но по доле национального дохода, истраченного на вооруженные силы в 1914 г., она уступала России, Австро-Венгрии и Франции.

Пропаганда внешней экспансии. Подготовка Германии к войне включала не только вооружения, но и сферу идеологии. Пропаганду милитаризма, национализма, широкой внешней экспансии развернули многочисленные

союзы и общества.

Ведущим среди них являлся созданный в 1891 г. Пангерманский союз. Он не был массовой организацией и насчитывал от 30 до 40 тыс. членов. Но влияние его было гораздо более широким, чем можно предположить исходя из его скромной численности. В Пангерманский союз входило множество чиновников, благодаря которым он имел прочные связи с государственными учреждениями, а также журналистов, влияющих на общественное мнение, университетских профессоров и учителей школ и гимназий, внушавших пангерманские идеи немецкой молодежи. В течение ряда лет во главе союза стоял крайний реакционер, адвокат и публицист Генрих Клас. Пангерманский союз выполнял в Германии роль «национальной оппозиции» и критиковал справа кайзера и правительство за излишнюю, по убеждению пангерманцев, уступчивость, особенно во время второго марокканского кризиса, и недостаточно энергичную защиту жизненных интересов рейха.

Пангерманцы требовали создания обширной колониальной империи, присоединения к Германии Бельгии, Люксембурга, Прибалтики, установления сферы немецкого политического и экономического влияния в Центральной Европе, на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке. Наиболее оголтелые из них расшифровывали железную дорогу «трех Б» (Берлин - Багдад - Басра) как Берлин - Баку - Бомбей. Они пропагандировали концепцию, согласно которой немцы являются «народом без жизненного пространства», окруженным со всех сторон врагами, война с которыми является неизбежной и к которой необходимо всемерно готовиться.

Широкую агитацию за политику внешней экспансии и создание мощного военно-морского флота развернул созданный в 1889 г. под патронатом брата императора принца Генриха Прусского Флотский союз. Он был массовой организацией с многочисленными региональными отделениями по всей Германии, большой прессой и насчитывал в 1908 г. более миллиона человек, правда, в значительной части за счет коллективного членства в союзе ряда экстремистских организаций.

Пангерманцам и Флотскому союзу вторили Немецкое колониальное общество, созданное в 1882 г., антипольский Немецкий союз Восточной марки, Имперский союз против социал-демократии и множество других подобных организаций в лице «патриотических» и «национальных» союзов на местах.

Они покрыли своей сетью территорию империи, выпускали огромными тиражами различную литературу, газеты, листовки, в которых на все лады перепевалась главная тема - превосходство немцев над другими нациями и вытекающая отсюда необходимость установления германской гегемонии во всем мире.

Германия накануне войны. Канцлерство Бетман-Гольвега началось в критической внутривнутриполитической обстановке. Исход борьбы вокруг финансовой реформы показал возросшее влияние рейхстага, где, однако, ухудшились отношения либералов и консерваторов, ведущих между собой острую полемику. В 1910 г. произошло объединение всех леволиберальных групп в Прогрессивную народную партию, которая стремилась установить сотрудничество с социал-демократическими депутатами, чтобы обеспечить парламентаризацию государственного устройства путем проведения постепенных реформ.

В первую очередь речь шла о реформе избирательной системы в Пруссии, которую в умеренном варианте пытался осуществить еще Бюлов. Но когда Бетман-Гольвег предложил свой также весьма скромный проект некоторых либеральных изменений в трехклассном избирательном праве Пруссии, то консерваторы и партия Центра сразу отвергли его. Проблема осталась нерешенной.

Обострился в это время и вопрос Эльзаса-Лотарингии. Эта имперская провинция по-прежнему не имела своих представительных органов власти и управлялась штатгальтером (наместником императора). Такая дискриминация усиливала про-французские настроения населения. Поэтому Бетман-Гольвег выступил с предложением ввести в Эльзасе-Лотарингии свой парламент из двух палат, избираемых по системе, почти аналогичной прусской. Однако рейхстаг высказался за избрание второй палаты на основе всеобщего и равного избирательного права, с чем после бурных дебатов был вынужден согласиться и канцлер.

Однако реформа не улучшила обстановки, которая сложилась в Эльзасе-Лотарингии. В 1913 г. там произошел так называемый Цабернский инцидент. Причиной его явился арест командиром размещенного в городке Цаберн прусского гарнизона 28 участников массовой антипрусской демонстрации. Это было грубым нарушением права, т.к. арест относился к компетенции суда или полиции, но не армии. Когда военный трибунал, перед которым все-таки предстал нарушитель закона, признал его действия правомерными, это вызвало бурю возмущения. По всему Эльзасу прокатилась волна массовых митингов и демонстраций. Поведение прусского офицерства и проявленная в связи с этим инцидентом нерешительность канцлера были осуждены значительным большинством рейхстага.

Рейхстаг 1913 г. во многом отличался от предыдущего. На выборах 1912 г. социал-демократы далеко опередили прочие партии по числу избирателей (4,2 млн. человек) и стали сильнейшей фракцией парламента, без которой было уже невозможно принимать какие-либо постановления и законы. Такой большой успех был обеспечен не только растущим влиянием партии в массах, но в определенной мере и сотрудничеством с левыми либералами в предвыборной борьбе. Сближение облегчалось тем, что в руководстве СДПГ появилась группа лидеров нового поколения (Густав Носке, Фридрих Эберт, Вольфганг Гейне), которая считала, что социализма

можно достичь реформистской парламентарно-демократической политикой, а не насильственной социальной революцией.

Положение канцлера осложнилось вставшей перед ним дилеммой. В случае проведения дальнейших социальных реформ и либерализации режима он должен был опираться в рейхстаге на левые фракции, которые, со своей стороны, настойчиво требовали установления парламентарной системы в империи. Такой курс означал конфликт с консерваторами, опиравшимися на сочувствие и поддержку основной части высшей бюрократии и офицерского корпуса. Отказ же от проведения дальнейших реформ вел к росту противоречий и социальной напряженности в обществе, чего в преддверии надвигающейся войны кабинет всеми силами стремился избежать.

Консерваторы обвиняли Бетман-Гольвега в слабости, которую они усматривали в сдержанной позиции канцлера, и считали его политику губительной для страны, поскольку она выдвигает задачи, достойные «торговца, миссионера или ученого», но не великого народа.

Леволлиберальная и социал-демократическая оппозиция критиковала кабинет главным образом по вопросам внутренней политики. Так же как и консерваторы, «левые» осуждали нерешительность Бетман-Гольвега, но с противоположных позиций: они считали, что политика канцлера недостаточно отвечает демократическим веяниям времени и слишком часто уступает давлению правых партий.

Однако расплывчатость линии Бетман-Гольвега выражала не только его колебания, но и определенный политический курс, направленный на то, чтобы, не слишком задевая интересы консервативно-монархических кругов, приблизить к правительству либеральную буржуазию и усилить влияние реформистских элементов в социал-демократической партии.

В области внешней политики Германия вряд ли сумела бы добиться большего, чем сделала ее дипломатия, допустившая ряд крупных просчетов, но объективно поставленная в такие условия, когда было невозможно разрешить противоречия между Германией и ее соперниками путем переговоров. Но если консервативно-пангерманские группировки и генералитет рвались в бой, уверенные в легкой и скорой победе, то либералы и сам канцлер больше опасались войны, не будучи столь убежденными в ее благоприятном исходе.

В целом в Германии с 1913 г. резко возросла возможность общего социально-политического кризиса, что и стало одной из главных причин, побудивших руководство страны летом 1914 г. поддержать союзную Австро-Венгрию и решиться на развязывание большой войны.